

Даниэль Мидер

Участие поляков в общественно-политической жизни – структура и тенденции

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

участие в политической деятельности, социология политики, политическое участие с использованием агрессии, политическое участие без применения агрессии, легитимность политической системы, демократия

STUDIA I ANALIZY

Профессиональная оценка структуры и тенденций политической вовлеченности поляков требует многовекторного подхода, дающего возможность определения максимально возможного количества аспектов, равно как синтетического, т.е. сфокусированного на ключевых элементах существования и развития демократии. Такую возможность анализа дает наиболее популярное течение в исследовании политического участия – подход политического действия (*Political Action Approach*)¹. Он сформировался в шестидесятые годы XX века в американской политологии и был связан с бихевиоризмом, в частности, с работами Сиднея Вербы и его исследовательской группы. Подход политической деятельности – в наиболее упрощенной интерпретации – концентрируется на наблюдении за повторяемыми характерными для данной политической культуры моделями поведения, направленными на достижение

¹ Наряду с **подходом политического действия** в политологии функционируют (однако, на вторых ролях) **институциональный подход** (*Institutional Approach*) и **проблемный подход** (*Problems Approach*). **Институциональный подход** фокусируется на исследовании политической активности индивидуума в институтах, таких как место работы, профсоюз, религиозные организации и другие добровольные объединения, группы соседей. В свою очередь, **проблемный подход** обращается к исследованию вопросов, проблем, потребностей, мотивирующих индивидуума к осуществлению деятельности, оказывающей влияние на политику. Более детальная информация по данной теме: H.E. Brady, *Political Participation*, [в:] J.P. Robinson, P.R. Shaver, L.S. Wrightsman (ред.), *Measures of Social Psychological Attitudes*, т. 2, San Diego 1999, с. 742–796.

влияния на политический процесс, и их анализе. К таким моделям, именуемым формами политического участия (участия в общественно-политической жизни), относят участие в голосовании и референдумах, подпись петиций, участие в политических демонстрациях и забастовках, организацию бойкотов и прочее. Репертуар форм активности, равно как и частота, дифференцирован даже в «старых» демократических государствах², и является важным индикатором уровня легитимности демократической системы и формы гражданского общества, а также определяет специфику политической культуры данного государства.

Понятие политического участия имеет большой потенциал, который особенно удачно охарактеризовал Ян В. Ван Дет. Он утверждает, что это понятие устремлено «к теории всего» (в оригинале – *towards theory of everything*)³. Политическое участие – это понятие-зонтик (в оригинале – *umbrella-concept*). Оно объединяет многочисленные несопоставимые действия, общим знаменателем которых является то, что они должны влиять на политику⁴. Как ни парадоксально, но это является аналитическим преимуществом данного понятия, так как легитимизирует случайный выбор исследователем действий, которые он квалифицирует как политическое участие, руководствуясь потребностью решения определенного исследовательского вопроса. Анализ структур и течений можно осуществлять путем указания форм политического участия, имеющих ключевое значение для демократической системы, как ее консолидации, так и деkonsолидации, другими словами, имеющих наибольший потенциал сохранения социального порядка либо способствования его разрушению. Это имеет настолько существенное значение, что интенсивность и вид участия граждан в политической жизни рассматривается современной политологией все чаще в контексте легитим-

² Сравнительные исследования разнообразия форм политического участия впервые были проведены Саймоном Х. Барнсом и Максом Каасе в работе, которую сегодня с уверенностью можно назвать классической: *Political Action. Mass Participation in Five Western Democracies*, С.Н. Barnes, М. Kaase (ред.), London 1979. На значительные различия репертуара и частоты осуществляемых форм политического участия указывает также Дитер Нолен: D. Nohlen, *Political Participation in New and Old Democracies*, [в:] R.L. Pintor, М. Gratschew (ред.), *Voter Turnout Since 1945. A Global Report*, Stockholm 2002.

³ J.W. van Deth, *Studying Political Participation: Towards Theory of Everything?*, реферат, подготовленный на симпозиум, организованный European Consortium for Political Research, *Electronic Democracy: Mobilisation, Organisation and Participation via new ICTs*, Grenoble, 6–11.04.2001.

⁴ S.P. Huntington, J.M. Nelson, *No Easy Choice. Political Participation in Developing Countries*, Cambridge 1976, с. 14.

ности политической системы⁵. Именно такие ключевые сферы политической активности идентифицирует американский политолог, преподаватель Гарвардского университета Пиппа Норрис.

В первую очередь она называет активность избирателей (*voting turnout*), включающую участие граждан в выборах разного уровня и референдумах. Второй ключевой сферой участия, согласно П. Норрис, является гражданская активность (*civic activism*). Автор включает сюда членство в организациях третьего сектора (экологических, благотворительных, относящихся к сфере искусства, музыки, образования, увлечений, профессиональных, спортивных, религиозных, а также членство в профсоюзах и политических партиях). Вышеупомянутые два типа активности обобщенно определяются в литературе по данному вопросу термином **традиционного политического участия**, причем «традиционный» означает согласный с правилами, юридическими и культурными нормами. Третья сфера активности связана с протестом (*protest activism*), к ней можно отнести такие акты, как участие в мирных демонстрациях, присоединение к бойкотам, нелегальным забастовкам, подпись петиций, захват зданий и фабрик, а также терроризм⁶. Действия данного типа определяются в литературе по данному вопросу термином **нетрадиционного политического участия**. Это понятие в политологический дискурс ввели Макс Каасе и Алан Марш, определяя его как деятельность, несоответствующую правовым и/или общепринятым культурным нормам, регулируют политическое участие в данной политической системе⁷.

В рамках деятельности связанной с протестом, автор выделяет два существенных подвида: а) политическое участие без применения силы, и б) политическое участие с применением силы. Такого типа деление все чаще появляется в литературе, подчеркивается ключевое значение таких форм влияния на политику, как терроризм, убийства, похищения людей и бомбардировка⁸. Определенные П. Норрис сферы деятельности, ключевые в контексте поддержания демократического строя, определили структуру данной статьи.

⁵ J.A. Booth, M.A. Seligson, *Political Legitimacy and Participation in Costa Rica: Evidence in Arena Shopping*, „Political Science Quarterly” 2005, № 58 (4), с. 537–550.

⁶ P. Norris, *Democratic Phoenix. Reinventing Political Activism*, Cambridge 2002, с. 188–212.

⁷ M. Kaase, A. Marsh, *Political Action. A Theoretical Perspective*, [в:] *Political Action...*, с. 41.

⁸ P. Norris, *Democratic Phoenix...*, с. 190–191. Более детальная информация по теме: D. Mider, *Partycypacja polityczna w Internecie. Studium politologiczne*, Warszawa 2008, с. 169–188.

Структура и тенденции традиционного участия поляков в политической жизни

В литературе по данному вопросу, высокая интенсивность участия граждан в традиционных формах политического участия эмпирически обусловлена высоким уровнем легитимности демократической системы⁹. В статье проанализированы две ключевые формы участия в политике:

- а) активность избирателей, охватывающая участие граждан в выборах и референдумах, а также,
- б) гражданское участие, в рамках которого выделяют членство в организациях третьего сектора и политических партиях.

Активность избирателей

Участие в выборах рассматривается как составной принцип демократической системы, что особенно подчеркивается в классической правовой концепции демократии Роберта Алана Даля¹⁰. Участие во всеобщих выборах является наиболее ярким показателем легитимности политической системы, ведь массовое отсутствие активности избирателей либо поддержка антисистемных объединений представляет собой важный сигнал пониженного или снижающегося уровня легитимности власти.

Интенсивность участия в выборах поляков вызывает тревогу. В парламентских выборах принимает участие около половины избирателей, а порой и того меньше; явка на выборы в течение двадцати лет существования Третьей Речи Посполитой постепенно, но систематически снижается. Исключением стали парламентские выборы 2007 года, в которых явка составила 53,9%, что стало лучшим показателем с 1989 года. Однако данные выборы проводились в условиях сильной политической поляризации негативного характера. Разделение было обусловлено, прежде всего, стилем осуществляемой предвыборной кампании. Это была негативная кампания с использованием несущественных вопросов и проблем. Она сосредоточилась на

⁹ См.: K. Newton, *Social and Political Trust in Established Democracies*, [в:] P. Norris (ред.), *Critical Citizens: Global Support For Democratic Government*, Oxford 1999, с. 185; P. Norris, *Conclusions: The Growth of Critical Citizens and its Consequences*, [в:] P. Norris (ред.), *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government*, Oxford 1999, с. 258–264.

¹⁰ Признание выборов основополагающей чертой демократии можно найти уже в наиболее ранних публикациях Р.А. Даля (R.A. Dahl, *A Preface To Democratic Theory*, Chicago 1956). Автор верен своим убеждениям в течение всей своей научной карьеры и представляет их также в новейших, наиболее зрелых работах (R.A. Dahl, *On Political Equality*, New Haven 2006).

вопросах имиджа. Подобные негативные предвыборные кампании имеют значительное влияние на общественное мнение и неблагоприятно влияют на восприятие существующих социополитических разделов, особенно, когда на политической арене доминируют два субъекта¹¹. Внимание СМИ во время предвыборной кампании 2007 года сфокусировалось на соревновании между двумя потенциально наиболее крупными политическими конкурентами: Гражданской платформе и Праве и справедливости¹². Атмосфера кампании и результаты выборов склонили политических публицистов говорить о двух Польшах в контексте социально-политического разделения польского общества, с одной стороны – консервативная традиционная Польша, которая идентифицирует себя с Правом и справедливостью (PiS); с другой стороны – либеральная Польша – современная и проевропейская, которая ассоциируется с Гражданской платформой (PO)¹³. Несколько большее, но все еще недостаточное участие можно наблюдать во время президентских выборов в Польше. Явка избирателей на первых трех выборах составила немногим выше 60%, но в последних двух существенно сократилась – в 2005 году она составила 49,8%, а в 2010 – 54,9%. Граждане пренебрегают также возможностью высказывать свое мнение непосредственно, т.е. путем референдума. Референдум о всеобщем предоставлении права собственности гражданам и референдум о приватизации государственного имущества, проведенные в 1996 году, заинтересовали менее трети избирателей. В свою очередь, конституционный референдум 1997 года не привлек к урнам даже половины избирателей – свою волю высказало тогда всего 42,9% граждан. Лучший результат в плане явки отмечен на референдуме о вступлении в Европейский Союз в 2003 году – свои голоса отдало 58,9% избирателей. Однако данный результат совсем не импонирует на фоне европейских демократических государств. В аналогичных референдумах в Ирландии явка составила 71%, Норвегии – 89%, Дании – 90%, Финляндии – 74%, Швеции – 83%, Австрии –

¹¹ S. Trzeciak, *Kampania wyborcza. Strategia sukcesu*, Poznań 2005, с. 199; M. Żmigrodzki, Ł. Wojciechowski, *Polityczna reklama negatywna w Polsce*, „Zeszyty Naukowe WSEI” 2011, № 1 (1), с. 101–117.

¹² M. Borowicz, *Analiza negatywnej reklamy wyborczej na przykładzie kampanii PO przeciwko PiS w 2007 roku*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska” 2008, XVI (1), с. 219–229. Атмосферу кампании идеально иллюстрирует предвыборная реклама и лозунги. К примеру, Гражданская платформа выпустила серию видеороликов «Обманули», «Презрение, агрессия», «Правит PiS, а полякам стыдно», а также пародии предвыборного ролика PiS под названием «Договор». Менее значимые участники предвыборной кампании отметили данную негативную атмосферу и постарались повернуть ее в свою пользу (напр., Польская крестьянская партия (PSL) выдвинула лозунг «PSL = НОРМАЛЬНО», «Взаимопонимание служит людям», а левые и демократы «Мудрое правление вместо глупых войн»).

¹³ См. напр.: M. Janicki, W. Władyka, *Dwie Polski*, „Polityka”, 2007.11.03, № 2627, с. 26–30.

82%, на Мальте отмечен рекорд для референдумов о вступлении в ЕС – 91%. Не в лучшем свете Польша выглядит на фоне стран бывшего Восточного блока. Она опередила всего три государства региона, оказалась выше Венгрии (45,5%), Словакии (52%) и Чехии (55%). Однако отстала от Словении – 60%, Литвы – 63%, Эстонии – 67% и Латвии – 72,5%. Еще хуже ситуация выглядит на местном уровне, зачастую явка недостаточна для признания референдума состоявшимся; в прессе нередко появляются сообщения на данную тему. Низкой активности граждан сопутствует невысокая инициативность правящих сил – отсутствуют попытки системного пробуждения традиционного политического участия, прежде всего, в выборах и референдумах.

Тенденции участия польских граждан на выборах лучше всего проявляются в сравнительной перспективе – на фоне других демократических государств. Особое значение имеет сопоставление средних показателей участия на выборах стран Европейского Союза, государств бывшего Восточного блока и стран так называемого «нового» и «старого» ЕС.

Таблица 1. Средние показатели явки избирателей в парламентских и президентских выборах, а также выборах в Европейский парламент за 1989–2012 гг.

	Парламентские выборы (1989–2012 гг.)	Президентские выборы (1989–2012 гг.)	Выборы в Европейский парламент (1989–2012 гг.)
Средний показатель явки избирателей в Польше	49,3	57,7	22,7
Средний показатель явки избирателей в государствах так называемого «старого» Европейского Союза ¹	75,2	74,7	51,8
Средний показатель явки избирателей в государствах так называемого «нового» Европейского Союза ²	58,9	59,0	28,3
Средний показатель явки избирателей в 27 государствах Европейского Союза	70,9	67,4	49,2
Средний показатель явки избирателей в государствах бывшего Восточного блока	62,3	69,9	27,5

¹ Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Голландия, Греция, Дания, Испания, Ирландия, Италия, Люксембург, Португалия, Финляндия, Франция и Швеция.

² Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия и Эстония.

Источник: Собственные расчеты на основании данных, предоставленных International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA) (<http://www.idea.int/>).

Сопоставление уровня участия поляков в выборах с уровнем участия в выборах в других странах оказывается, бесспорно, не в пользу Польши. В Польше средняя явка избирателей после 1989 года составляет всего 49,3%. Это несомненно низкий результат по сравнению со средним показателем во всех 27 государствах ЕС, где средний показатель составляет 70,9%. Подобная разница наблюдается на выборах в Европейский парламент – во всем Европейском Союзе к избирательным урнам пришло около половины избирателей (49,2%), в Польше – менее четверти (22,7%). Данные отличия еще более невыгодны, если сравнить средние данные по явке избирателей в Польше с показателями стран «старого» ЕС. Польша вписывается в невысокий уровень участия стран «нового» ЕС, однако и тут занимает последние строки (49,3% *versus* 58,9%). Средние результаты явки избирателей систематически представлены в таблице 1.

Польша представлена также не лучшим образом с точки зрения участия в выборах на фоне стран бывшего Восточного блока – она опережает только Эстонию (49,1%) и Литву (43,4%). Порадовать может тот факт, что первые места занимают государства с сильными авторитарными тенденциями и высокий уровень явки скорее является выражением культуры политического подчинения, чем демократического участия. Детально показатели средней явки на выборах по странам бывшего Восточного блока представлено в таблице 2.

Необходимо также рассмотреть тенденции политического участия после 1989 года. Среди 27 государств – членов ЕС можно проследить незначительное, но статистически существенное снижение уровня участия избирателей в парламентских выборах за последнюю четверть века, то есть с 1989 года ($R^2 = 0,23$; $p < 0,05$)¹⁴. Снижение в большей мере касается стран «старого» ЕС ($R^2 = 0,27$; $p < 0,05$), чем «нового» ($R^2 = 0,13$; $p < 0,05$). Данная негативная тенденция относится также и к Польше (однако, было проведено слишком мало выборов, чтобы можно было применить правильно анализ регрессии, но все же ориентировочно приведем результат – $R^2 = 0,1$; $P < 0,05$). Тенденцию к снижению сейчас можно констатировать повсеместно в Европейском Союзе и на данном уровне существуют попытки предпринять определенные меры¹⁵.

¹⁴ Здесь применен линейный регрессионный анализ. Собственные расчеты на основании данных, предоставленных International Institute for Democracy and Electoral Assistance (<http://www.idea.int/>, 01.02.2013).

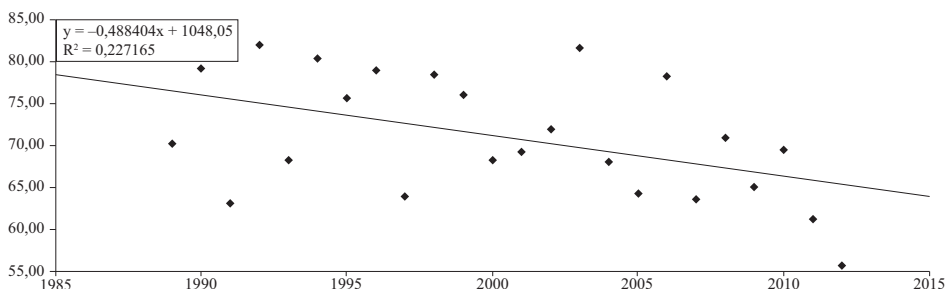
¹⁵ Например, по распоряжению Совета Европы Филипп К. Шмиттер и Александр Х. Трехсель предложили изменения в функционировании современных демократических государств, одной из целей которых была бы активизация избирателей. P.C. Schmitter, A.H. Trechsel, *The Future of Democracy in Europe. Trends, Analyses and Reforms, A Green Paper for the Council of Europe*, <http://www.thefutureofrepresentativedemocracy.org/files/pdf/resources/schmitterthefutureofDemocracyinEurope.pdf>, 2004, с. 86–118.

Таблица 2. Явка избирателей на парламентских выборах в странах бывшего Восточного блока (в 1989–2012 годы).

Государства	Средний показатель явки на парламентских выборах 1989-2013 гг.
Таджикистан	90,5
Узбекистан	89,6
Туркменистан	86,9
Словакия	78,0
Чехия	75,3
Беларусь	71,4
Латвия	71,4
Казахстан	68,9
Украина	67,6
Молдавия	67,2
Грузия	63,9
Россия	59,5
Румыния	59,0
Армения	56,9
Венгрия	56,8
Азербайджан	56,0
Киргизстан	51,4
Польша	49,3
Эстония	49,1
Литва	43,4

Источник: Собственная разработка на основании данных, предоставленных International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA) (<http://www.idea.int/>).

График 1. Линия регрессии, представляющая тенденцию явки на выборах в 27 государствах Европейского Союза (1989–2012 гг.).

Источник: Собственная разработка на основании данных, предоставленных International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA, <http://www.idea.int/>).

Существенным вопросом для характеристики структуры участия в выборах является стабильность моделей поведения избирателя. Отсутствие колебаний в количестве и видах участников выборов является гарантией стабильности демократии. К сожалению, в данной сфере участие польских граждан оставляет желать лучшего. Данные Польского национального центра избирательных исследований (PGSW) раскрывают заметную нестабильность¹⁶. Польские граждане проявляют значительную непоследовательность в контексте избирательного участия – приблизительно для трети из них явка на всеобщих выборах не имеет постоянного характера – они не принимают участия во всех выборах. Избирательная стабильность в Польше существенно ниже, чем в странах «нового» ЕС, как заключает Миколай Чесник на основании данных, полученных благодаря проекту Comparative Study of Electoral Systems¹⁷. М. Чесник сопоставил идущие по порядку выборы в Польше за 1997–2007 гг., констатируя значительный уровень нестабильности участия поляков в выборах. Около 25–30% граждан переходит между выборами от голосования к неявке либо наоборот¹⁸. Нестабильность на выборах является имманентным свойством польской политической культуры. Углубленный анализ лабильности избирателей проводят М. Чесник, Павел Гжеляк и Михал Котнарowski, утверждая, что голосующие нестабильно граждане находятся в аспекте социодемографических и психологических характеристик «на полпути» между голосующими стабильно гражданами и последовательно не голосующими избирателями. Единственными (хоть и не слишком сильными) отличительными чертами данной группы являются центристские политические взгляды, умеренный популизм в экономической сфере, а также – если они голосуют – с большой вероятностью отдадут голос победителю¹⁹.

Социодемографическая структура голосующих и не голосующих избирателей, а также детерминанты участия аналогичны в Польше и странах ЕС. Схожи также различия явки на выборах между полами: мужчины голосуют более охотно, чем женщины, а разница существенна, поскольку превышает максимальную стандартную погрешность. Также в контексте зависимости голосования от возраста Польша проявляет сходство с государствами ЕС – более молодое и более старшее поколения голосуют с меньшей активностью, чем среднее. Польское общество в контексте участия на выборах подтверж-

¹⁶ Польский национальный центр исследований выборов, <http://www.isppan.waw.pl/subpage/pgsw/index.html>, 2013.

¹⁷ М. Czeńnik, *Partycypacja wyborcza Polaków, Instytut Spraw Publicznych*, в: <http://www.isp.org.pl/files/20145849250174351001263374709.pdf>, 2007, с. 10–12.

¹⁸ Там же, с. 13–15.

¹⁹ М. Czeńnik, P. Grzelak, M. Kotnarowski, *Niestabilność uczestnictwa wyborczego w Polsce*, [в:] М. Czeńnik, *Niestabilność wyborcza w Polsce*, Warszawa 2010, с. 13–40.

дает также хорошо подкрепленную эмпирически гипотезу социоэкономического статуса индивида (*SES – socioeconomic status* или *SERL – socioeconomic resource status*), предполагающую, что чем выше его образование и доходы, тем больше вероятность его участия в общественно-политической жизни, в том числе голосовании. По данным Польского национального центра исследований выборов (PGSW), заметны существенные отличия между людьми со средним образованием (явка на выборах не превышает в среднем 50%) и людьми, имеющими высшее образование, (участие постоянно составляет более 75%). Необходимо подчеркнуть, что активность поляков на выборах имеет региональные различия, которые совпадают с картой раздела Речи Посполитой XIX века. Наивысшее участие в выборах следует констатировать на бывшей австрийской территории, а самая невысокая явка зафиксирована на землях, захваченных некогда Россией и вновь обретенных в 1945 году. Тип населенного пункта также играет заметную роль в участии поляков в выборах – значительно большее участие в выборах проявляют жители городов, в отличие от представителей сельского населения. Аналогичные тенденции уже давно были замечены в демократических странах всего мира²⁰.

Приведенные выше данные иллюстрируют существование явления политической апатии в ключевой сфере демократической жизни – выборах и референдумах. Отсутствие интереса более половины польских избирателей к участию на выборах, последовательное поведение наиболее многочисленной польской партии – «партии не голосующих» можно объяснять рядом факторов. Прежде всего, здесь просматривается сильный польский анти-институционализм, обусловленный историческими традициями. Формирование моделей активности поляков началось уже в Первой Речи Посполитой. В наиболее широком понимании в данный период приобретают очертания две противоречивые формулы поведения. С одной стороны, это образец инструментального подхода к политике не во имя пользы общества, а для реализации собственных эгоистичных целей. Именно тогда появились применяемые до сих пор в сфере социальной активности негативные ярлыки, означающие доминирование личной выгоды или интересов узкой группы над интересами общества, такие как «авантюризм», «эгоизм», «отступничество», «Тарговица». С другой стороны, Первая Речь Посполитая предоставила образцы культуры прямой демократии; они формировались в дворянском сословии, а также – хоть сильно контролируемые землевладельцами – в сословии крестьян и мещан. Польша охотно заимствовала также элементы прямой демократии Западной Европы – отсюда к нам при-

²⁰ P.A. Sorokin, C.C. Zimmerman, *Principles of rural-urban sociology*, New York 1929.

шел институт конфедерации и «каптуровых сеймиков». Не без влияния на формирование политической культуры осталась парламентская практика Второй Речи Посполитой, приведшая к упадку института Сейма, а в результате – к частичному упадку института выборов. Источники негативного, вызывающего политическую апатию влияния можно найти также в новейшей истории – в Польской Народной Республике. Народный референдум 1946 года и первые выборы в Законодательный Сейм, проведенные годом позже, были сфальсифицированы. Вызывает подозрение в манипуляциях высокая явка на выборах в Сейм в период ПНР. В среднем она составляла с 1952 по 1985 гг. 94,4%²¹. Безусловно, не без влияния остаются современные явления – разочарование в политике, вызванное низкой политической культурой польской элиты, а также факт нахождения большей части польского общества за чертой бедности, равно как и небольшой процент населения с высшим образованием.

Гражданское участие

Гражданское участие принято понимать как один из ключевых элементов демократии; одна группа исследователей утверждает, что небольшое количество негосударственных организаций означает недостаточный уровень демократии, а большее их количество – демократию высшего уровня²². Данные организации формируют «мягкую» сферу демократии, являющуюся необходимым дополнением «жесткой» сферы – выборов и референдумов.

В литературе по данному вопросу провозглашается тезис о кризисе негосударственных организаций в современных демократических государствах, что впоследствии, может привести даже к падению демократических систем. Кризис третьего сектора и возможные негативные последствия для демократии безошибочно охарактеризовали в середине семидесятых годов двадцатого века Мишель Крозье, Сэмюэл Хантингтон и Джорджи Ватануки в работе *Кризис демократии*²³. Они подчеркивают, что у основания кризиса находится ослабление межличностных отношений вследствие повышенной вертикальной и горизонтальной мобильности индивидов и социальных

²¹ Комитет защиты рабочих оценивал, к примеру, явку на выборах 1980 года более, чем в 75–85%.

²² J. Paley, *Toward Anthropology of Democracy*, „Annual Review of Anthropology” 2002, № 31, с. 482.

²³ M.J. Crozier, S.P. Huntington, J. Watanuki, *The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*, New York 1975.

групп. Аналогичные опасения высказал Ричард Стиверс, вводя понятия культуры цинизма²⁴.

Уровень участия поляков в организациях третьего сектора относительно невысокий согласно данным European Social Survey (ESS) за 2002–2010 гг. на фоне других государств ЕС. В общественных организациях работает всего 5,8% поляков, в то же время средний показатель европейских стран в два раза выше (13%)²⁵. Поляки чаще всего участвуют в общественной деятельности в организованных группах, приносящих непосредственную и немедленную пользу – в родительских комитетах, советах родителей и других организациях, действующих в сфере образования и просвещения. Несколько реже участвуют в союзах, клубах и спортивных обществах, благотворительных организациях, а также религиозных движениях и приходских общинах²⁶. Уровень последовательного, легального политического участия хорошо отражает членство граждан в политических партиях. Предоставленные ESS количественные данные по данному вопросу несколько ограничены в аспекте временных рамок (пять волн за 2002, 2004, 2006, 2008 и 2010 годы). Можно проследить постоянное, хотя и незначительное (и только немного выходящее за показатели максимальной погрешности) снижение количества активистов в сфере третьего сектора. Данная тенденция касается как Польши, так и остальных европейских стран, исследуемых в рамках ESS. В 2002 году 1,7% польских респондентов заявили о членстве в политических партиях, а в 2010 году – всего 0,7% опрошенных. Аналогичная тенденция снижения (в пределах следующих волн исследования) заметна в остальных европейских странах, принимающих участие в анализе – в 2002 году о членстве в политических партиях заявило 5,8% опрошенных, а в 2010 году – всего 4,2%²⁷. Польша существенно отличается по средним показателям от осталь-

²⁴ R. Stivers, *The Culture of Cynicism*, Oxford 1994.

²⁵ В рамках ESS осуществлены исследования пяти волн с 22 до 30 в следующих странах: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Голландия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Израиль, Исландия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония. ESS Round 1-5: European Social Survey Round 5 Data (2002-2010). Data file edition 3.0, 4.1, 3.4, 3.3, 6.3. Norwegian Social Science Data Services, Norway – Data Archive and distributor of ESS data.

²⁶ *Активность поляков в общественных организациях в 1998-2010 гг.*, BS/16/2010, http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2010/K_016_10.PDF, 2010.

²⁷ Следует заметить, что обе тенденции снижения, как для Польши (разница рассчитывалась для 2002 и 2010 года: $\chi^2(1, N = 1748) = 10,176$; $p \leq 0,01$), так и для всех европейских стран (расчет для 2002 и 2010 года: $\chi^2(1, N = 52339) = 250,527$; $p \leq 0,01$) статистически существенны согласно тесту степени совпадения между выборкой и популяцией хи-квадрат Карла Пирсона.

ных исследуемых в рамках ESS европейских стран. Тест степени совпадения между выборкой и популяцией хи-квадрат Карла Пирсона однозначно подтверждает, что разница статистически существенна²⁸. Поляки с меньшим энтузиазмом, чем другие европейцы, общаются с политиками. Средний заявленный показатель составляет всего 7,8% у поляков, в то же время для всех исследуемых в ESS – 13,7%.

Вышеуказанные заключения социологов и политологов касаются Польши в большей степени, чем государств Западной Европы. По сравнению с оппозиционным движением Солидарности настоящий период воспринимается как драматический коллапс кооперации и общественной самоорганизации. Гражданская и социальная активность в Польше мало популярна и имеет временный характер, охватывая меньшую часть общества, о чем свидетельствуют результаты эмпирических исследований. Польская активность довольно специфична на фоне западной активности, ее модели отличаются. В небольшой степени она основана на формальном сотрудничестве, при этом отсутствуют желание и умение структурированного и устойчивого взаимодействия²⁹.

О польском обществе говорят, используя ярлыки типа – *общество бездействия*, общество *социологического вакуума* или *культуры недоверия*, а это означает патологию социальных связей, что приводит к распространенной и обобщенной подозрительности по отношению к лицам и организациям. Это требует постоянного мониторинга и контроля их действий, опасаясь обмана, превышения власти, лжи, недобросовестности, заговоров и конспирации, и в результате ведет к исчезновению либо ослаблению общественных организаций на уровне, выходящем за пределы семьи³⁰. Особенно ощутимо отсутствие инфраструктуры соответствующих организаций, которые могут помочь удовлетворить потребности в участии. А также отсутствие позиций индивидуума, обуславливающих потребность активности, что чаще всего объясняется длительным периодом жизни поляков в управляемом свыше авторитарном обществе³¹.

²⁸ Получены следующие результаты теста: 2010 – χ^2 (1, N = 1748) = 53,832; $p \leq 0,01$; 2008 – χ^2 (1, N = 1611) = 45,942; $p \leq 0,01$; 2006 – χ^2 (1, N = 1721) = 63,526; $p \leq 0,01$; 2004 – χ^2 (1, N = 1712) = 61,053; $p \leq 0,01$; 2004 – χ^2 (1, N = 2106) = 66,693; $p \leq 0,01$.

²⁹ P. Gliński, *Trzeci sektor w Polsce. Dylematy aktywności*, [в:] M. Nowak, M. Nowosielski (ред.), *Czy społeczny bezruch? O społeczeństwie obywatelskim i aktywności we współczesnej Polsce*, Instytut Zachodni, Poznań 2006, с. 58; M. Nowak, M. Nowosielski, *Pytanie o społeczny bezruch*, [в:] M. Nowak, M. Nowosielski (ред.), *Czy społeczny bezruch...*, с. 14, 18.

³⁰ P. Sztompka, *Socjologia. Analiza społeczeństwa*, Kraków 2002, с. 316, 326.

³¹ J. Bartkowski, *Tradycje partycypacji w Polsce*, [в:] A. Olech (ред.), *Partycypacja publiczna. O uczestnictwie obywateli w życiu wspólnoty lokalnej*, Warszawa 2011, с. 44.

Структура и тенденции нетрадиционного участия поляков в общественно-политической жизни

Интенсивность и репертуар нетрадиционного политического участия является важным для поддержания политического порядка; это яркий показатель отсутствия функционирования традиционных каналов выражающих интересы граждан. Данное утверждение связано с уже классической гипотезой, сформулированной Морисом Дюверже: чем ниже легитимность политической системы и ее составных компонентов, таких как правительство, парламент и прочие институты власти, тем чаще граждане сопротивляются власти, тем более охотно прибегают к протестной деятельности, в том числе основывающейся на применении силы³².

Нетрадиционное участие в общественно-политической жизни без применения силы

Нетрадиционное участие в общественно-политической жизни вызвано малой интенсивностью формальных и установленных системой форм политического участия. Его образуют многочисленные разнообразные формы участия в политике: участие в политических демонстрациях (манifestациях, пикетах, маршах, вече, митингах, хэппенингах, флешмобах, политическом театре), общение с целью выражения политических взглядов либо оказания влияния на политику. Представление своих убеждений либо политических требований путем саркастического нарушения норм, согласно которым функционируют организации, проведение бойкота или участие в бойкоте лиц, политических, экономических, общественных организаций по политическим причинам, а также нарушение или препятствие работе организаций или социальных процессов с целью оказания влияния на политику.

Существует совсем немного эмпирических данных, полученных благодаря количественным исследованиям, касающимся нетрадиционного политического участия без применения силы. ESS предоставляет заявление об участии в легальных демонстрациях и бойкотах в течение последних 12 месяцев. Поляки менее активны в плане участия в демонстрациях на фоне других стран, принимающих участие в социологическом исследовании. Участие в демонстрациях подтвердило всего 1,5% опрошенных, в то время, как средний показатель европейских стран более чем в четыре раза выше, он составляет 6,5%. Аналогичные пропорции в заявленном участии в бой-

³² M. Duverger, *The Idea of Politics*, London 1966, с. 159.

котах – его подтвердило всего 4,3% поляков и 14% европейцев. Недостаточные количественные эмпирические данные в области исследований нетрадиционного политического участия можно восполнить анализом событий. Существенное значение для выражения мнения некоторых групп польского общества имеют регулярные манифестации. Одной из наиболее важных периодических демонстраций является ежегодный Марш Независимости, проводимый 11 ноября – в День Независимости – с 2010 г. Впервые он был организован националистическими силами – Всепольской молодежью и Национально радикальным лагерем, которые создали в 2011 году общество Марш независимости. Аналогичные Парады Независимости проходят с 2003 года в Гданьске и во Вроцлаве. Все чаще их целью является не только почтение восстановления независимости, но также и выражение недовольства действующей властью. Значительная огласка в СМИ сопутствует также периодически проводящимся манифестациям сексуальных меньшинств. В Варшаве данное мероприятие проводится ежегодно с 2005 года и называется Парадом Равенства; в Познани с 2004 г. организуется Марш Равенства как часть празднования Дней равенства и терпимости. Такой марш проводится также и в Кракове с 2004 года как Марш терпимости (с 2010 года именуемый Маршем равенства). Звучат протесты против дискриминации. Неизменно данным мероприятиям сопутствуют контрдемонстрации, такие как Марш для Жизни и Семьи (с 2006 года), который в 2012 году прошел в 40 городах Польши, являлся выражением приверженности к традиционным семейным ценностям. В свою очередь, в Познани в 2005 году была проведена насмешливая контрдемонстрационная акция Марш онанистов, участники которой в ироничном тоне требовали прав на усыновление детей онанистами и финансирования властями «Кампании против неведения», которая должна была просветить общество в том, что онанизм – такая же самая сексуальная ориентация, как и остальные. К периодическим манифестациям также относятся организованные велосипедистами акции – они призваны донести до сознания общества присутствие велосипедистов на дорогах, заявить о своих правах и потребностях. Еще одна цель – добиться реализации местных изменений организации движения, а также привлечения инвестиций в велосипедную инфраструктуру. Манифестации данного типа проходят, прежде всего, в Варшаве и Лодзи. Они именуются как «Критическая масса» (проводятся также как «Ночная критическая масса», «Туристическая масса» и «Повстанческая масса»), представляют собой проезд велосипедов по общественным дорогам согласно обозначенному маршруту. Обычно они насчитывают от нескольких сотен до нескольких тысяч участников. В Лодзи уже проведено 43 таких проезда с 2009 года, в Варшаве – несколько сотен с 2002 года. Аналогичные манифестации были организованы также в дру-

гих городах Польши: Ополе, Гожове-Великопольском, Люблине, Щецине, Вроцлаве, Радоме и более десяти других городов. Регулярно проходят в различных регионах Польши (в Варшаве, Ольштыне, Вроцлаве, Лодзи, Кракове, Познани и др.) с 2000 года в Международный женский день – 8 марта – демонстрации феминисток, называемые «Манифа». Здесь звучат протесты против дискриминации. «Манифы» проводились под такими лозунгами, как «Демократия без женщин – это пол демократии» (2001), «Наши тела, наша жизнь, наши права» (2003), «Лозунг произвольный, хотим быть свободны» (2008), «У всех команд – один обман» (2009), «Ясли, а не стадионы» (2010). Стоит упомянуть также о регулярных мероприятиях сепаратистского Движения автономии Силезии. С 2007 года ежегодно в Катовицах организуются Марши автономии Силезии. В них принимает участие от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Выдвигается требование автономии Верхней Силезии по образцу Германии или Испании. Существенное значение имеет высокий потенциал спонтанного, общественного протеста в Польше. Он проявился вначале 2012 года, когда польское общество остро отреагировало на *Международное торговое соглашение по борьбе с контрафактной продукцией (Anti-Counterfeiting Trade Agreement, АСТА)*. Протесты проходили в полутора десятках польских городов – Кракове, Вроцлаве, Тарнове, Быдгощи и др. В общем, в них приняло участие несколько десятков тысяч человек.

Слабым отголоском активности поляков в политической жизни являются также нетрадиционные действия, представляющие собой некую политическую шутку, цель которых – высмеять негативные и патологические явления, характерные для польской политики. Первой партией шутки Польской Республики после 1989 г. (Третьей Речи Посполитой) стала созданная в девяностые годы Польская партия любителей пива. На выборах в Сейм 1991 года она получила 16 мандатов и стала примером основанных в большинстве демократических государств юмористических формирований. В настоящее время функционирует две организации данного типа. Известная в восьмидесятые оранжевая альтернатива возобновила свою политическую деятельность в 2002 году, когда создатель данной организации принял участие в выборах мэра Варшавы в рамках Избирательного комитета «Более веселая и компетентная Варшава». Оранжевая альтернатива использует в своей деятельности «мягкие» формы протеста – harpenning, пародию, пастиш, травести. Типичной иллюстрацией деятельности Оранжевой альтернативы является harpenning, предпринятый во время парламентских выборов 2007 года, зарегистрированного как избирательный комитет «Растяпы и гномы». Тогда был организован Марш образованцев, проходящий под лозунгом «Мы хотим быть запуганы». Во время данного хэппенинга проходим раздавали металли-

ческие крюки; представлявшие собой символическую критику окружающей «грязной» предвыборной кампании, заключающейся в компрометации политических противников, т.е. поиске и открытии «крюков» на них. Группой, активно осуществляющей нетрадиционное участие в политической жизни, является Альтернативная акция «Нашесть» – правая хэппенинг-организация, существующая с конца восьмидесятых годов XX века. С 2000 года она организовала 16 хэппенингов, которые освещали СМИ. Наиболее известны из них – «Остановка Чажасты», акция отпиливания премьер-министра Лешека Миллера от табурета и первомайский хэппенинг «Спасатели». Данная акция была проведена – как сообщил лидер организации – Петр Лисевич – с целью предоставления помощи тонущему Союзу демократических левых сил, чтобы защитить крупную рыбу, лещей и плотву, принадлежащую к данной партии. В рамках хэппенинга также были попытки надеть спасательный круг деятелям левых сил, возлагающим цветы к памятнику, и вручить им ласты. Скандировались такие лозунги, как «Эй, Лыбацкая, где твоя лодка рыбацкая?», «Вот кого предпочитаем – коммунистов выбираем!», «Шапку красную надень комуныке набекрень!».

Политическое участие в Интернете является особым и полноправным примером вовлеченности в политику. Польское общество имеет в данном аспекте характеристику, отличную от западного общества. Данная сфера относительно неплохо изучена в польских эмпирических исследованиях. Ограниченный объем настоящей работы не дает возможности представления результатов данных исследований. О политическом участии поляков в Интернете говорят, что оно перенасыщено сильной агрессией на вербальном уровне и отличается идеологической дифференциацией – значительно чаще в различных формах политической активности в Интернете проявляют участие люди крайних взглядов³³.

Исследуемые выше формы нетрадиционного участия в политической жизни все чаще присутствуют в большинстве демократических стран, что склоняет к применению таких шаблонов, как демократия демонстрации (*demonstration democracy*) или общество протеста (*protest society*) для характеристики указанных политических систем. На данную обобщенную тенденцию накладывается также польская специфика, обусловленная историей государства. Над Польшей довлеет сильная традиция антиинституционализма, характеризующаяся интенсивной негативной настроенностью

³³ Более детальная информация по данному вопросу: J. Garlicki (ред.), *Kultura polityczna internautów w Polsce*, „Studia Politologiczne” 2011, vol. 21; D. Mider, *Cyberentuzjaści, cybermaruderzy czy cybermalkontenci? Badanie postaw polskich internautów wobec zastosowań Internetu w polityce*, [В:] J. Garlicki, D. Mider (ред.), *Elity polityczne a internauci*, „Studia Politologiczne” 2012, vol. 26, с. 41–80.

и недоверием к всякого рода легитимной власти, предпочтением сопротивления диалогу. Истоки бунтарского отношения к власти можно усмотреть уже в Первой Речи Посполитой – в творчестве авторов дворянского и мещанского происхождения, явлении средневекового карнавала или специфического умеренного сопротивления польской политики, так называемой «бабинской республики» – юмористического литературного неформального сообщества польской шляхты, высмеивающего недостатки польской политики, являющегося прототипом сторожевых организаций (*watchdog organizations*). Определяющую роль в формировании моделей поведения польского общества сыграли традиции заговоров и конспирации времен раздела Польши. В то время появились многочисленные, функционирующие за пределами навязанной политической системы, организации, такие как Национальное патриотическое общество, Союз косиньеров и Союз свободных поляков. Данные тенденции нетрадиционного, внесистемного участия в политической жизни продолжали также некоторые организации Второй Речи Посполитой, в том числе коммунистические. Особое значение для сохранения потенциала протеста имел период ПНР, где с момента ее образования до 1989 года можно насчитать около полусотни оппозиционных организаций.

Нетрадиционное участие в общественно-политической жизни с применением силы

Особенно обременительными для польской политической культуры оказались прочные примеры деятельности с применением силы. История времен раздела Польши и немецкой оккупации дает частичное оправдание данного типа действий, и даже превозносит их; власть в то время ассоциировалась с врагом. Не без влияния в данном контексте оказалось наследие Второй Речи Посполитой. Можно привести как пример убийство президента Габриэля Нарutowича в 1922 году, террористический акт в Варшавской цитадели в 1923 году, Майский переворот 1926 года, деятельность организации „неизвестных виновников”, осуществляющих своеобразно воспринимаемое правосудие относительно оппозиционных деятелей. До сей поры не выяснено исчезновение генерала Влодзимежа Загурского в 1927 году, Брестский процесс и тюрьма в Брестской крепости, Концлагерь в Березе-Картузской, убийство министра Бронислава Перацкого, многочисленные примеры крайне левых и правых групп. Власть ПНР нередко применяла силу, воспринимая ее как удобное, немедленное средство борьбы с оппозицией. Список актов насилия, к сожалению, велик. Это и применение силы против населения, например, во время Познанского восстания 1956 года, волнений в Польше

в 1970 году, в результате чего были несколько десятков убитых и много сотен раненых, как и против отдельных личностей, сильным эхом отозвались трагические смерти Эмиля Барханского, Петра Бартоше, Тадеуша Фронса, Ежи Попелушко, Станислава Пыяса, не говоря уже о многочисленных похищениях и пытках, репрессиях и политических судебных убийствах 1944–1956 гг. Данные события оправдывали применение силы польским обществом. Каждый акт политического насилия можно попытаться объяснить и признать правым как последствие политического и общественного напряжения, дефектов политической системы либо несовершенных образцов политической культуры, назвать исторической неизбежностью, трагическим случаем либо эффектом единичной патологии. Вне зависимости от мотивов и причин данного типа действий их последствий невозможно избежать – они оставляют глубокий след, пятно на обществе, становятся элементом его идентификации. В свете исторического опыта, сформировавшего польскую общественную самоидентификацию, каждый акт или сигнал о применении силы в новом польском демократическом государстве должен вызывать особое беспокойство, поскольку мы не рассматриваем его как случайное, отвлеченное явление, а как феномен, истоки которого лежат в политической культуре, проявление существующего образца данной культуры. Такого рода явления имели место в Третьей Речи Посполитой. Следует упомянуть убийства политиков, которые могут иметь политические мотивы: прежде всего это убийство Марека Росяка, Януша Войцеховского – ассистента депутата Европейского парламента от Права и Справедливости (PiS), а также ножовое ранение Павла Ковальского, ассистента депутата от PiS Ярослава Ягелло, совершенное Рышардом Ц., а также убийства Главного коменданта полиции Марека Папалы в 1998 году, бывшего министра Яцека Дембского в 2001 году, или – как сообщают СМИ – подготовленный террористический акт Бруно К. – научного сотрудника одного из университетов. Следует назвать и акты применения силы по отношению к группе людей, в частности – во время празднования Дня Независимости, или различных манифестаций сексуальных меньшинств.

Необходимо обратиться к результатам количественных исследований отношения поляков к насилию³⁴. Очевидно, они верно характеризуют позицию польского общества по отношению к насилию в политике. В приведен-

³⁴ Исследование проведено Центром маркетинговых исследований «Indicator» 23–25 ноября 2012 года по методу онлайн-анкетирования (CAWI) среди 245 взрослых пользователей Интернета. Несмотря на небольшое количество опрошенных и их специфику (Интернет-пользователи все же отличаются – хоть уже не так значительно – от польского населения, в общем), данные результаты представляют собой интересный и, очевидно, объективный материал для размышлений о польском обществе.

ном исследовании респондентам задали вопрос об их отношении к свершенному согласно обвинениям акту Бруно К., т.е. осуществлению подготовки к террористическому нападению на высших представителей власти Республики Польша. Респонденты в своих ответах использовали одиннадцатилетнюю шкалу, где –5 означало, что отношение респондента к планируемому акту (согласно СМИ) несомненно, негативное, 0 (ноль) – отношение нейтральное, и +5 – подразумевало, бесспорно, положительное отношение. Почти половина осудила (оценка от –5 до –1) свершенный, согласно обвинению, акт Бруно К. (49%), среди них около трети (28,6%) дали однозначный ответ (выбирая –5 на шкале). Вызывают беспокойство две остальные группы: нейтральных (33%) и сочувствующих идее теракта (18%). Две последние группы можно интерпретировать в категориях научного артефакта или негативного (а конкретнее – враждебного) отношения к власти. Однако, однозначная постановка вопроса о допустимости применения силы в политике показывает, что поляки в большинстве своем его осуждают. Три четверти из них, т.е. 78,8 проц. заявили, что ее применение недопустимо с этической точки зрения. Кроме того, каждый четвертый из опрошенных (26,1%) признал, что применение силы нельзя оправдать ни в каком случае. Около трех четвертей респондентов (73,9 проц.) не верит, что насилие может быть эффективным средством воздействия на политику. Осуждение применения силы – хоть и четкое – но неоднозначное. Каждый десятый респондент (11,6 проц.) считает, что оно может быть все же эффективным инструментом в сфере политики. Притягивает внимание также присутствие небольшой группы не определившихся (14,3%), которые колеблются между одобрением и осуждением применения силы. В немногочисленных случаях Интернет-пользователи все-таки признают применение силы допустимым: против оккупантов (58,8%), экстремистских групп, ответственных за действия с применением силы (48,2%) либо против всех, кто применяет силу (42,4%). Полученные результаты не свидетельствуют о революционных крайних радикальных настроениях, однако неоднозначное осуждение силы может вызывать определенные опасения, особенно в сопоставлении с фактом невысокого традиционного участия в общественно-политической жизни.

Выводы. Призрак политической апатии?

Изложенные выше размышления дают возможность определить четыре фактора низкой политической активности поляков. Во-первых, присутствует дрейф, характерный для западных демократических государств, а именно, слабеющий интерес к традиционному, формальному участию в политиче-

ских выборах, в то же время, осуществление действий, хоть и немногочисленных, квалифицируемых как нетрадиционные формы политического участия. Попытки объяснить данное явление осуществляются с применением категории концептуальной постполитики, которая воспринимается как бесспорное завершение всевозможных идеологических споров в пользу реализации временной политики, которая направлена на успех на выборах. А преобразование ее в попкультурное развлечение и хэппенинг, а гражданина – в потребителя и, впоследствии, восприятия политического процесса в качестве одной из сфер развлечений, направленных на обеспечение захватывающих зрелищ. В результате граждане самоопределяются как пассивные наблюдатели, а не активные субъекты, несущие совместную ответственность за общее благо. Развлечение имеет добровольный характер, что исключает чувство обязанности. Во-вторых, уровень участия в политике так же невысок, как и в странах бывшего Восточного блока, что можно объяснить авторитарным наследием, формирующим культуру сильного политического подчинения. В-третьих, уровень политического участия обусловлен типично польской спецификой, связанной с историческими факторами периода раздела, межвоенного двадцатилетия и Второй мировой войны. В-четвертых, наконец, можно объяснить явление нежелания к участию современной формой польской демократии – в частности, возрастающим разочарованием польского общества функционированием политической элиты. Увеличивается число людей, воспринимающих польскую политическую систему в категориях хаоса и беспорядка, и сокращается количество тех, у которых она ассоциируется, прежде всего, со свободой личности³⁵. Объективные, внешние исследования подтверждают данное предположение – польская система является незрелой демократией. Согласно индексу демократии еженедельного журнала «The Economist», она находится в группе так называемых несовершенных демократий (*flawed democracies*) и занимает место за такими странами, как Литва, Чили, Ботсвана, Ямайка и Бразилия³⁶.

Совмещенное воздействие четырех вышеназванных факторов может в результате привести к осуществлению сценария массовой, углубляющейся политической апатии в результате выхода большей части общества из области политики, предоставления ее политическим элитам и восприятия ее как одной из сфер развлечений. Такую позицию политической апатии именуют

³⁵ *Отношение поляков к демократии. Бюллетень исследований*, Центр исследований общественного мнения, BS/194/2005, 12.2005.

³⁶ *Democracy index 2010. Democracy in retreat. A report from the Economist Intelligence Unit*, „The Economist”, http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf, 2010.

фатализмом толпы (The Fatalism of Multitude)³⁷, представляющим собой массовые модели поведения общества. Они не являются антидемократичными и не антисистемными, однако, редкое участие не превращается в постоянное функционирование в демократической системе и мониторинг власти. Это может даже привести к торможению процесса консолидации демократии и нахождению Польши в группе государств с несовершенной демократией, равно как и фасадных, по мере углубления асимметрии между более продвинутым институциональным масштабом консолидации и менее продвинутым ее социальном измерении.

РЕЗЮМЕ

Анализ структуры и тенденций польского политического участия осуществлен в четырех измерениях, имеющих ключевое значение для функционирования демократической системы: традиционного политического участия, состоящего из участия на выборах и гражданского участия, а также нетрадиционного участия в политической и общественной жизни – без применения силы (протесты, бойкоты, манифестации, хэппенинги) и с ее применением. В исследовании учтены основополагающие факторы существования демократии – аспект консолидации и легитимности политической системы, а также историческая перспектива.

Daniel Mider

POLITICAL PARTICIPATION OF POLES – STRUCTURE AND TRENDS

The analysis of the structure and trends in Polish political participation was conducted in four dimensions, vital to the functioning of the democratic system: conventional political participation, which includes electoral participation and civic engagement, as well as unconventional political participation – both violent and non-violent (protest, boycott, demonstration and happening). The analysis took into account elements which determine the functioning of democracy: the aspect of the consolidation and legitimisation of the political system, as well as the historical dimension.

KEY WORDS: *political participation, political sociology, violent forms of political participation, non-violent forms of political participation, legitimacy of the political system, democracy*

³⁷ J. Bryce, *The American Commonwealth*, t. II, Indianapolis 1888, разделы 84–85 (страницы не пронумерованы).

Библиография

- J. Bartkowski, *Tradycje partycypacji w Polsce*, [в:] А. Olech (ред.), *Partycypacja publiczna. O uczestnictwie obywateli w życiu wspólnoty lokalnej*, Warszawa 2011.
- J.A. Booth, M.A. Seligson, *Political Legitimacy and Participation in Costa Rica: Evidence in Arena Shopping*, „Political Science Quarterly” 2005, № 58 (4).
- M. Borowicz, *Analiza negatywnej reklamy wyborczej na przykładzie kampanii PO przeciwko PiS w 2007 roku*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska” 2008, XVI (1).
- H.E. Brady, *Political Participation*, [в:] J. P. Robinson, P. R. Shaver, L. S. Wrightsman (ред.), *Measures of Social Psychological Attitudes*, т. 2, San Diego 1999.
- M.J. Crozier, S.P. Huntington, J. Watanuki, *The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*, New York 1975.
- M. Cześnik, P. Grzelak, M. Kotnarowski, *Niestabilność uczestnictwa wyborczego w Polsce*, [в:] M. Cześnik, *Niestabilność wyborcza w Polsce*, Warszawa 2010.
- R.A. Dahl, *On Political Equality*, New Haven 2006.
- R.A. Dahl, *A Preface To Democratic Theory*, Chicago 1956.
- M. Duverger, *The Idea of Politics*, London 1966.
- J. Garlicki (ред.), *Kultura polityczna internautów w Polsce*, „Studia Politologiczne” 2011, vol. 21.
- P. Gliński, *Trzeci sektor w Polsce. Dylematy aktywności*, [в:] M. Nowak, M. Nowosielski (ред.), *Czy społeczny bezruch? O społeczeństwie obywatelskim i aktywności we współczesnej Polsce*, Instytut Zachodni, Poznań 2006.
- S.P. Huntington, J.M. Nelson, *No Easy Choice. Political Participation in Developing Countries*, Cambridge 1976.
- D. Mider, *Cyberentuzjaści, cybermaruderzy czy cybermalkontenci? Badanie postaw polskich internautów wobec zastosowań Internetu w polityce*, [в:] J. Garlicki, D. Mider (ред.), *Elity polityczne a internauci*, „Studia Politologiczne” 2012, vol. 26.
- D. Mider, *Partycypacja polityczna w Internecie. Studium politologiczne*, Warszawa 2008.
- K. Newton, *Social and Political Trust in Established Democracies*, [в:] P. Norris (ред.), *Critical Citizens: Global Support For Democratic Government*, Oxford 1999.
- P. Norris, *Conclusions: The Growth of Critical Citizens and its Consequences*, [в:] P. Norris (ред.), *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government*, Oxford 1999.
- P. Norris, *Democratic Phoenix. Reinventing Political Activism*, Cambridge 2002.

- M. Nowak, M. Nowosielski, *Pytanie o społeczny bezruch*, [w:] M. Nowak, M. Nowosielski (red.), *Czy społeczny bezruch? O społeczeństwie obywatelskim i aktywności we współczesnej Polsce*, Instytut Zachodni, Poznań 2006.
- P.A. Sorokin, C.C. Zimmerman, *Principles of rural-urban sociology*, New York 1929.
- R. Stivers, *The Culture of Cynicism*, Oxford 1994.
- P. Sztompka, *Socjologia. Analiza społeczeństwa*, Kraków 2002.
- S. Trzeciak, *Kampania wyborcza. Strategia sukcesu*, Poznań 2005.
- M. Żmigrodzki, Ł. Wojciechowski, *Polityczna reklama negatywna w Polsce*, „Zeszyty Naukowe WSEI” 2011, № 1 (1).